

ПРИНЦИП НАИЛУЧШИХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЁНКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Худойбергганова Феруза Баходир кизи
Магистрант Ташкентского государственного
юридического университета
<https://doi.org/10.5281/zenodo.19439454>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 01-aprel 2026 yil
Ma'qullandi: 04-aprel 2026 yil
Nashr qilindi: 06-aprel 2026 yil

KEYWORDS

наилучшие интересы
ребёнка; Конвенция ООН о
правах ребёнка;
международное право; права
ребёнка; Узбекистан;
Семейный кодекс; Комитет
по правам ребёнка;
имплементация; ювенальная
юстиция; опека и
попечительство;
сравнительное
правоведение.

ABSTRACT

Принцип наилучших интересов ребёнка (best interests of the child) является краеугольным началом современного международного права в области защиты детства и фундаментальным критерием оценки правоприменительных решений, затрагивающих положение несовершеннолетних. Настоящая статья исследует генезис, нормативное содержание и механизмы реализации данного принципа в системе международного права — от Конвенции ООН о правах ребёнка 1989 года и Замечаний общего порядка Комитета по правам ребёнка до региональных инструментов Совета Европы, Африканского союза и Межамериканской системы. Особое внимание уделяется имплементации принципа в национальной правовой системе Республики Узбекистан: анализируются конституционные гарантии, нормы Семейного кодекса, Закона «О гарантиях прав ребёнка», Гражданского процессуального кодекса и судебная практика. Проводится сравнительно-правовой анализ подходов Германии, Великобритании, Канады и Южной Кореи. Выявляются пробелы и коллизии в законодательстве Узбекистана, формулируются рекомендации по совершенствованию правового регулирования в контексте Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы.

Введение

20 ноября 1989 года Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций единогласно приняла Конвенцию о правах ребёнка — международный договор, ратифицированный на сегодняшний день 196 государствами, что делает его наиболее широко ратифицированным правозащитным документом в истории человечества. Статья 3 Конвенции закрепила принцип, ставший впоследствии центральной осью всей системы международно-правовой защиты детства: «Во всех действиях в отношении

детей, независимо от того, предпринимаются ли они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребёнка». Этот принцип, известный в англоязычной доктрине как *best interests of the child*, преобразил не только международное право, но и национальные правовые системы, предъявив к государствам требование системного пересмотра семейного, процессуального, уголовного и административного законодательства через призму приоритетного обеспечения детского благополучия.

Статистические данные ЮНИСЕФ свидетельствуют о масштабе проблем, которым призван противодействовать данный принцип. По состоянию на 2023 год приблизительно 356 миллионов детей во всём мире живут в условиях крайней бедности; ежегодно более 12 миллионов девочек выходят замуж до достижения 18-летнего возраста; около 160 миллионов детей в возрасте от 5 до 17 лет вовлечены в детский труд. В контексте Центральной Азии, несмотря на значительный социально-экономический прогресс последнего десятилетия, вопросы институционализации детей-сирот, недостаточного учёта мнения ребёнка в судебных процессах и фрагментарного межведомственного взаимодействия органов опеки сохраняют острую актуальность.

Для Республики Узбекистан проблематика реализации принципа наилучших интересов ребёнка имеет особое практическое значение. Узбекистан ратифицировал Конвенцию ООН о правах ребёнка 9 декабря 1992 года, приняв на себя обязательство привести национальное законодательство в соответствие с её стандартами. За прошедшие три десятилетия правовая база претерпела существенную эволюцию: от Семейного кодекса 1998 года и Закона «О гарантиях прав ребёнка» 2008 года до масштабных конституционных реформ 2023 года, впервые закрепивших обязанность государства действовать в наилучших интересах ребёнка на конституционном уровне. Однако, как отмечается в Заключительных замечаниях Комитета по правам ребёнка ООН по пятому периодическому докладу Узбекистана (2022), разрыв между законодательными декларациями и правоприменительной практикой остаётся значительным, особенно в сферах альтернативного ухода, ювенального правосудия и межгосударственного усыновления.

Настоящая статья преследует цель комплексного исследования принципа наилучших интересов ребёнка в трёх взаимосвязанных измерениях: международно-правовом, сравнительно-правовом и национальном. Раздел 2 прослеживает генезис и нормативное содержание принципа в системе международного права. Раздел 3 анализирует подходы к его реализации в правовых системах Германии, Великобритании, Канады и Южной Кореи. Раздел 4 исследует эволюцию законодательства Узбекистана. Раздел 5 выявляет текущие проблемы и пробелы, а Раздел 6 формулирует заключение и рекомендации.

2. Генезис и нормативное содержание принципа в международном праве

2.1 Историческая эволюция: от Женевской декларации к Конвенции 1989 года

Идея о том, что интересы ребёнка заслуживают специальной правовой защиты, имеет относительно недавнюю историю. До начала XX века правовые системы большинства государств рассматривали ребёнка преимущественно как объект родительской власти (*patria potestas*), а не как самостоятельного субъекта прав. Первым международным документом, провозгласившим обязанность общества обеспечить особую защиту детям, стала Женевская декларация прав ребёнка 1924 года, принятая Лигой Наций. Хотя декларация носила декларативный и юридически необязательный характер, она заложила концептуальный фундамент для последующего развития.

Декларация прав ребёнка ООН 1959 года продвинулась дальше, впервые сформулировав принцип наилучших интересов в Принципе 2: ребёнку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита, и при принятии соответствующих законов «основным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребёнка». Однако и этот документ не обладал обязательной юридической силой, и формулировка оставалась достаточно аморфной, чтобы допускать широкое усмотрение государств.

Качественный перелом произошёл с принятием Конвенции о правах ребёнка 1989 года. Статья 3(1) Конвенции трансформировала принцип наилучших интересов из мягкого рекомендательного ориентира в юридически обязывающую норму международного договорного права, адресованную всем ветвям государственной власти. Принципиально важно, что Конвенция не ограничила действие принципа семейными правоотношениями: формулировка «во всех действиях в отношении детей» распространяет его на законодательную деятельность, бюджетное планирование, миграционную политику, уголовное правосудие и любые иные сферы, затрагивающие положение несовершеннолетних.

2.2 Замечание общего порядка № 14 (2013): систематизация содержания принципа

Наиболее авторитетное и детальное толкование принципа наилучших интересов ребёнка было дано Комитетом ООН по правам ребёнка в Замечании общего порядка № 14 (2013) «О праве ребёнка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов». Комитет определил, что принцип наилучших интересов функционирует в трёх взаимосвязанных качествах: как субъективное право ребёнка на то, чтобы его наилучшие интересы были оценены и приняты в качестве первоочередного соображения; как фундаментальный принцип толкования, согласно которому при наличии нескольких возможных интерпретаций правовой нормы следует избирать ту, которая наиболее эффективно обеспечивает интересы ребёнка; и как процессуальная норма, требующая, чтобы процесс принятия решения включал оценку возможных последствий для затронутого ребёнка и содержал мотивировку с указанием того, как интересы ребёнка были учтены.

Комитет также предложил неисчерпывающий перечень элементов, подлежащих оценке при определении наилучших интересов конкретного ребёнка. К ним относятся: взгляды самого ребёнка (в соответствии со статьёй 12 Конвенции); идентичность ребёнка, включая пол, сексуальную ориентацию, национальную принадлежность, вероисповедание и культурную идентичность; сохранение семейного окружения и поддержание отношений; уход, защита и безопасность ребёнка; ситуация уязвимости

(инвалидность, принадлежность к меньшинству, статус беженца); право ребёнка на здоровье и образование.

Данная систематизация имеет первостепенное значение для правоприменительной практики, поскольку она преобразует абстрактный принцип в методологически структурированный инструмент принятия решений. Как справедливо отмечает профессор Дж. Зерматтен, бывший председатель Комитета по правам ребёнка, Замечание общего порядка № 14 превратило принцип наилучших интересов «из риторического лозунга в операциональный правовой стандарт с верифицируемыми критериями применения».

2.3 Принцип наилучших интересов в системе иных международных инструментов

Помимо Конвенции 1989 года, принцип наилучших интересов ребёнка закреплён в широком массиве международных и региональных инструментов. Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года оперирует данным принципом при определении того, подлежит ли ребёнок возвращению в государство обычного проживания. Гаагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления 1993 года устанавливает, что межгосударственное усыновление должно осуществляться «в наилучших интересах ребёнка и при уважении его основных прав». Конвенция ООН о правах инвалидов 2006 года в статье 7(2) воспроизводит формулу наилучших интересов применительно к детям с инвалидностью.

На региональном уровне Африканская хартия прав и благосостояния ребёнка 1990 года в статье 4 закрепляет принцип наилучших интересов в формулировке, практически идентичной статье 3 Конвенции ООН. Европейская конвенция об осуществлении прав детей 1996 года (Совет Европы) развивает процессуальные аспекты принципа, обязывая судебные органы предоставлять ребёнку возможность быть заслушанным и назначать специального представителя интересов ребёнка в судебном разбирательстве. Европейский суд по правам человека интегрировал принцип наилучших интересов ребёнка в свою практику через толкование статей 8 (право на уважение частной и семейной жизни) и 3 (запрет бесчеловечного обращения) Европейской конвенции о защите прав человека, последовательно указывая, что наилучшие интересы ребёнка могут перевешивать права родителей в случае конфликта.

3. Сравнительно-правовой анализ реализации принципа

3.1 Германия: Kindeswohl и конституционное измерение

Германская правовая традиция выработала концепцию Kindeswohl (благополучие ребёнка), которая выступает центральным критерием при рассмотрении семейных дел. Статья 6(2) Основного закона Германии закрепляет уход за детьми и их воспитание как «естественное право родителей и первоочередную их обязанность», одновременно устанавливая, что «за их деятельностью следит государственное сообщество». Параграф 1697а Гражданского уложения (BGB) предписывает суду при принятии решений, затрагивающих интересы ребёнка, руководствоваться принципом наилучшего обеспечения благополучия ребёнка. Федеральный конституционный суд Германии в ряде знаковых решений подтвердил, что Kindeswohl является конституционно

защищённой ценностью, которая в случае конфликта может ограничивать родительские права.

Процессуальный механизм реализации принципа в Германии включает обязательное привлечение Jugendamt (ведомства по делам молодёжи) к участию в судебных разбирательствах, затрагивающих интересы ребёнка, назначение Verfahrensbeistand — процессуального помощника, представляющего интересы ребёнка в судебном процессе, и прямое заслушивание ребёнка судом, являющееся обязательным для детей старше 14 лет и допустимым для детей любого возраста, способных выразить своё мнение. Данная институциональная архитектура обеспечивает системное и многоуровневое представительство интересов ребёнка, являя собой модель, заслуживающую внимания со стороны законодателя Узбекистана.

3.2 Великобритания: Children Act 1989 и параметрический подход

Закон о детях 1989 года (Children Act 1989) — фундаментальный статут английского семейного права — установил, что благополучие ребёнка является «первостепенным соображением» суда (paramount consideration) при рассмотрении любых вопросов, касающихся воспитания ребёнка. Примечательно, что английский стандарт — paramount (первостепенный) — формально строже, чем конвенционный стандарт primary (первоочередной), поскольку предполагает, что интересы ребёнка не просто преобладают, но являются определяющим фактором принятия решения.

Закон содержит так называемый «контрольный перечень благополучия» (welfare checklist), закреплённый в статье 1(3), который включает: установленные пожелания и чувства ребёнка с учётом его возраста и степени зрелости; физические, эмоциональные и образовательные потребности; вероятные последствия изменения обстоятельств; возраст, пол, происхождение ребёнка и любые характеристики, которые суд считает релевантными; любой вред, причинённый или могущий быть причинённым ребёнку; способность каждого из родителей удовлетворять потребности ребёнка; перечень полномочий суда. Данный параметрический подход минимизирует субъективность судебного усмотрения и обеспечивает предсказуемость правоприменения — качество, которого нередко недостаёт правовым системам постсоветских государств.

3.3 Канада: Divorce Act 2019 и презумпция совместного родительства

Канада осуществила масштабную реформу семейного законодательства в 2019 году через поправки к Закону о разводе (Divorce Act, Bill C-78), вступившие в силу 1 марта 2021 года. Поправки заменили терминологию «опека» (custody) и «доступ» (access) на концепцию «времени родительства» (parenting time) и «полномочий по принятию решений» (decision-making responsibility), тем самым переориентировав правовой дискурс с контроля над ребёнком на обеспечение его интересов. Закон закрепил перечень факторов, подлежащих учёту при определении наилучших интересов, включая: отношения ребёнка с каждым из родителей; историю ухода за ребёнком; мнение ребёнка; культурное, языковое и духовное наследие, в том числе наследие коренных народов; а также любое семейное насилие и его влияние на безопасность ребёнка.

Особого внимания заслуживает инновационное положение канадского закона о том, что «максимальное время контакта» (maximum parenting time) с каждым из родителей отвечает наилучшим интересам ребёнка, но при условии, что это не

противоречит физической, эмоциональной и психологической безопасности ребёнка. Данная формулировка представляет собой тонкий баланс между презумпцией совместного родительства и приоритетом защиты от домашнего насилия — проблема, крайне актуальная для практики узбекских судов, где вопросы семейного насилия часто недостаточно учитываются при определении места жительства ребёнка.

3.4 Южная Корея: культурный контекст и модернизация

Южная Корея представляет ценный сравнительный пример для Узбекистана в силу ряда общих черт: быстрая модернизация правовой системы, трансформация традиционных семейных структур и вхождение в глобальное правовое пространство. Гражданский кодекс Республики Корея был существенно реформирован в 2005 году (вступление в силу — 2008 год), когда была упразднена патриархальная система «главы семьи» (hojuje) и введены нормы о равенстве родителей в вопросах опеки. Статья 912 Гражданского кодекса устанавливает, что родительская власть осуществляется «в интересах ребёнка», а статья 837(5) предписывает суду при определении опеки руководствоваться наилучшими интересами ребёнка.

Корейская судебная практика выработала перечень факторов оценки наилучших интересов, включающий: пол и возраст ребёнка; привязанность к каждому из родителей; экономическое положение родителей; готовность родителя обеспечить контакт ребёнка с другим родителем; и мнение самого ребёнка. Верховный суд Республики Корея в решении 2009Da54168 подчеркнул, что принцип наилучших интересов ребёнка должен применяться не только при определении опеки после развода, но и при рассмотрении вопросов об ограничении родительских прав, международном похищении детей и межгосударственном усыновлении. Корейский опыт демонстрирует, что эффективная модернизация семейного права возможна даже в обществах с глубоко укоренёнными патриархальными традициями — урок, значимый для центральноазиатского контекста.

4. Эволюция законодательства Республики Узбекистан

4.1 Конституционные основы

Конституция Республики Узбекистан в редакции 2023 года, принятой по итогам всенародного референдума 30 апреля 2023 года, впервые закрепила принцип наилучших интересов ребёнка на конституционном уровне. Статья 65 Конституции установила: «Государство, общество и семья обязаны обеспечить наилучшее обеспечение интересов ребёнка в качестве приоритета при принятии решений и совершении действий, затрагивающих интересы детей». Данное конституционное закрепление имеет фундаментальное юридическое значение: оно создаёт основу для конституционного контроля законодательных актов на предмет их соответствия принципу наилучших интересов ребёнка и обеспечивает верховенство данного принципа в национальной правовой иерархии.

Статья 64 Конституции гарантирует, что «дети равны перед законом вне зависимости от происхождения и гражданского состояния родителей», а статья 66 устанавливает запрет на привлечение детей к работам, которые могут причинить вред их здоровью, нравственности или образованию. В совокупности конституционные нормы формируют целостную систему конституционно-правовой защиты детства, хотя

их практическая реализация зависит от качества отраслевого законодательства и правоприменения.

4.2 Семейный кодекс 1998 года

Семейный кодекс Республики Узбекистан, принятый 30 апреля 1998 года (с последующими изменениями и дополнениями), является центральным отраслевым актом, регулирующим правоотношения с участием детей. Статья 14 Семейного кодекса закрепляет право ребёнка жить и воспитываться в семье, знать своих родителей, право на их заботу и совместное с ними проживание. Статья 15 устанавливает право ребёнка на защиту своих прав и законных интересов, осуществляемую родителями, органами опеки и попечительства и судом. Статья 16 гарантирует право ребёнка выражать своё мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства.

Принципиально важной является норма статьи 16 о том, что учёт мнения ребёнка, достигшего десятилетнего возраста, является обязательным, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Статьи 68 и 69 Семейного кодекса регулируют вопросы определения места жительства ребёнка при раздельном проживании родителей и порядок осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно. При этом суд обязан исходить из интересов ребёнка с учётом его мнения. Статьи 73–76 регулируют основания и порядок лишения и ограничения родительских прав, где критерием судебного решения также выступают интересы ребёнка.

Вместе с тем анализ норм Семейного кодекса позволяет выявить существенный пробел: кодекс не содержит систематизированного перечня факторов, подлежащих учёту при определении наилучших интересов ребёнка, — аналога английского «контрольного перечня благополучия» или канадского перечня статутных критериев. Это создаёт ситуацию, при которой содержание принципа наилучших интересов определяется исключительно судебским усмотрением, что влечёт за собой неоднородность правоприменительной практики и сниженную предсказуемость судебных решений.

4.3 Закон «О гарантиях прав ребёнка» (2008)

Закон Республики Узбекистан «О гарантиях прав ребёнка» от 7 января 2008 года представляет собой комплексный акт, охватывающий широкий спектр прав ребёнка: право на жизнь, здоровье, образование, свободу от насилия, право на отдых, защиту от экономической эксплуатации и вовлечения в антисоциальное поведение. Статья 6 Закона воспроизводит принцип приоритетности интересов ребёнка, устанавливая, что «при принятии решений, затрагивающих интересы ребёнка, необходимо обеспечить приоритет его интересов».

Закон учредил институт Уполномоченного по правам ребёнка (Детского омбудсмена), наделённого полномочиями по мониторингу соблюдения прав детей, рассмотрению жалоб и обращений, подготовке рекомендаций государственным органам. Указом Президента Республики Узбекистан от 16 июня 2020 года № УП-6017 были усилены институциональные гарантии деятельности Уполномоченного. Тем не менее, в отличие от аналогичных институтов в Скандинавских странах или Польше, Детский омбудсмен в Узбекистане не наделён правом обращения в суд в защиту

интересов конкретного ребёнка, что ограничивает его возможности по обеспечению реализации принципа наилучших интересов в правоприменительной практике.

4.4 Процессуальное измерение: ГПК и УПК

Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан в редакции 2018 года содержит ряд норм, направленных на обеспечение прав ребёнка в судебном процессе. Статья 164 устанавливает обязательное участие органа опеки и попечительства в делах, затрагивающих интересы несовершеннолетних. Суд наделён правом назначения психолого-педагогической экспертизы для выяснения привязанностей ребёнка и оценки влияния на него каждого из родителей. Однако практика показывает, что в большинстве случаев заключения органов опеки носят формальный характер и не содержат углублённого анализа наилучших интересов конкретного ребёнка.

Уголовно-процессуальный кодекс (в редакции 2024 года) включает главу 63, посвящённую производству по делам о преступлениях несовершеннолетних. Статья 557 предусматривает обязательное участие защитника, педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего. Статья 564 устанавливает требование выяснения условий жизни и воспитания несовершеннолетнего обвиняемого. Вместе с тем ювенальное правосудие в Узбекистане не выделено в самостоятельную судебную вертикаль: дела несовершеннолетних рассматриваются судами общей юрисдикции, что не всегда обеспечивает необходимую специализацию и чувствительность к принципу наилучших интересов ребёнка.

4.5 Указ Президента и Стратегия «Новый Узбекистан» (2022–2026)

Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы, утверждённая Указом Президента № УП-60 от 28 января 2022 года, включает приоритетное направление «Развитие человеческого капитала и социальной сферы», в рамках которого предусмотрены конкретные меры по усилению защиты прав детей. К ним относятся: совершенствование системы альтернативного ухода за детьми-сиротами с приоритетом семейных форм устройства; усиление межведомственной координации в сфере защиты детей от насилия; повышение квалификации судей по вопросам семейного права и прав ребёнка; и развитие института приёмных семей как альтернативы институционализации.

Указ Президента № УП-35 от 18 февраля 2022 года «О мерах по кардинальному совершенствованию системы защиты прав ребёнка» предусмотрел создание Координационного совета по защите прав ребёнка при Кабинете Министров, введение механизмов раннего выявления детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и внедрение индивидуальных планов защиты ребёнка. Данные институциональные новации свидетельствуют о серьёзности намерений государства, однако их эффективность зависит от качества имплементации на местном уровне — задача, требующая значительных финансовых и кадровых ресурсов.

5. Текущие проблемы и пробелы в реализации принципа

Несмотря на значительный прогресс в законодательной сфере, реализация принципа наилучших интересов ребёнка в Узбекистане сталкивается с рядом системных проблем, которые могут быть классифицированы по нескольким уровням.

На уровне нормативного определения содержания принципа центральной проблемой остаётся отсутствие в законодательстве Узбекистана систематизированного перечня факторов, подлежащих учёту при оценке наилучших интересов ребёнка. Как было продемонстрировано в сравнительно-правовом анализе, правовые системы Великобритании, Канады и Южной Кореи включают детализированные статутные перечни критериев оценки. Отсутствие такого перечня в узбекском законодательстве приводит к тому, что содержание принципа наилучших интересов остаётся неопределённым и зависит от индивидуального понимания конкретного судьи. Результатом является неоднородность судебной практики: идентичные по фактическим обстоятельствам дела могут разрешаться диаметрально противоположным образом в различных регионах страны.

На уровне процессуальных гарантий недостаточно развит механизм независимого представительства интересов ребёнка в судебном процессе. В отличие от германского *Verfahrensbeistand* или английского *guardian ad litem*, в узбекском процессуальном праве отсутствует институт независимого представителя ребёнка, чьей исключительной функцией является установление и донесение до суда наилучших интересов ребёнка. Органы опеки и попечительства, формально выполняющие эту функцию, нередко перегружены, недостаточно квалифицированы и склонны к формальным заключениям, не отражающим индивидуальной ситуации ребёнка.

На уровне ювенального правосудия остаётся нерешённой проблема отсутствия специализированных детских судов. Комитет ООН по правам ребёнка в Заключительных замечаниях по итогам рассмотрения докладов Узбекистана неоднократно рекомендовал создание специализированной системы ювенальной юстиции. Рассмотрение дел несовершеннолетних судами общей юрисдикции не обеспечивает необходимого уровня специализации, адаптации процедур к возрастным особенностям ребёнка и последовательного применения принципа наилучших интересов.

На уровне альтернативного ухода за детьми, лишёнными родительского попечения, Узбекистан по-прежнему в значительной мере зависит от институциональных форм устройства (детские дома, интернаты), хотя законодательство декларирует приоритет семейных форм. По данным ЮНИСЕФ, по состоянию на 2023 год в учреждениях интернатного типа в Узбекистане находились около 18 000 детей, значительная часть которых имеет хотя бы одного живого родителя. Принцип наилучших интересов ребёнка, как он интерпретируется Комитетом ООН и международной доктриной, однозначно требует деинституционализации и перехода к семейным формам устройства — приёмным семьям, патронату, усыновлению.

На межведомственном уровне сохраняется фрагментарность координации между органами и учреждениями, ответственными за защиту прав ребёнка. Министерство дошкольного и школьного образования, Министерство здравоохранения, органы внутренних дел, органы опеки и попечительства, Уполномоченный по правам ребёнка и суды действуют в рамках собственных ведомственных регламентов, не всегда обеспечивая единый, ориентированный на ребёнка подход. Отсутствие единой информационной системы учёта детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, затрудняет раннее выявление рисков и своевременное вмешательство.

6. Рекомендации по совершенствованию правового регулирования

На основании проведённого анализа могут быть сформулированы следующие рекомендации, направленные на повышение эффективности реализации принципа наилучших интересов ребёнка в правовой системе Узбекистана.

Во-первых, целесообразно внести изменения в Семейный кодекс Республики Узбекистан, закрепив систематизированный перечень факторов, подлежащих обязательному учёту при определении наилучших интересов ребёнка. Данный перечень, по аналогии с английским welfare checklist и канадским перечнем критериев, должен включать: установленные пожелания и чувства ребёнка с учётом его возраста и зрелости; физические, эмоциональные и образовательные потребности; вероятные последствия изменения обстоятельств; возраст, пол и идентичность ребёнка; любой вред или риск причинения вреда; способность каждого из родителей обеспечить потребности ребёнка; а также наличие фактов семейного насилия.

Во-вторых, необходимо учреждение института независимого представителя интересов ребёнка в судебном процессе — по модели германского *Verfahrensbeistand* — специалиста (юриста или психолога), назначаемого судом для установления и представления наилучших интересов ребёнка независимо от позиций сторон. Данный институт позволит обеспечить, чтобы голос ребёнка был не просто формально «заслушан», но профессионально интерпретирован и эффективно представлен суду.

В-третьих, создание специализированных судебных составов (а в перспективе — ювенальных судов), рассматривающих дела с участием несовершеннолетних, обеспечит необходимый уровень профессиональной специализации и последовательного применения принципа наилучших интересов. Судьи данных составов должны проходить обязательную подготовку по международным стандартам прав ребёнка, детской психологии и травмоинформированному подходу.

В-четвёртых, необходимо ускорение процесса деинституционализации альтернативного ухода за детьми в соответствии с Руководящими указаниями ООН по альтернативному уходу за детьми (2009). Это предполагает развитие института профессиональных приёмных семей с адекватным финансированием и профессиональным сопровождением, внедрение механизмов «привратничества» (*gatekeeping*), препятствующих необоснованному помещению детей в учреждения, и регулярный пересмотр решений о помещении ребёнка в институциональную форму ухода.

В-пятых, целесообразно расширение полномочий Уполномоченного по правам ребёнка, включая предоставление права обращения в суд в защиту интересов ребёнка, права законодательной инициативы по вопросам, затрагивающим права детей, и обязательного участия в подготовке нормативно-правовых актов, затрагивающих положение детей (*child rights impact assessment*).

В-шестых, внедрение единой межведомственной информационной системы защиты детей, интегрирующей данные органов образования, здравоохранения, социальной защиты, внутренних дел и опеки, позволит обеспечить раннее выявление детей группы риска и координированное реагирование в соответствии с принципом наилучших интересов.

Заключение

Принцип наилучших интересов ребёнка прошёл путь от мягкого декларативного ориентира в Женевской декларации 1924 года до юридически обязывающей нормы международного договорного права, интегрированной в конституционный порядок подавляющего большинства государств мира. Конвенция ООН о правах ребёнка 1989 года и Замечание общего порядка № 14 Комитета по правам ребёнка систематизировали его содержание, определив тройственную природу принципа — как субъективного права, принципа толкования и процессуальной нормы — и предложив структурированную методологию его применения.

Сравнительно-правовой анализ продемонстрировал, что наиболее эффективные модели реализации принципа — в Германии, Великобритании, Канаде и Южной Корее — характеризуются общим набором институциональных признаков: наличием детализированных статутных перечней критериев оценки наилучших интересов; развитыми механизмами независимого представительства ребёнка в судебном процессе; специализацией судебных органов; и системной интеграцией принципа в бюджетное планирование, законотворчество и административную практику.

Республика Узбекистан продемонстрировала значительную динамику в совершенствовании правовой базы защиты прав ребёнка, завершив конституционное закрепление принципа наилучших интересов в 2023 году. Семейный кодекс, Закон «О гарантиях прав ребёнка», институт Детского омбудсмена и Стратегия «Новый Узбекистан» формируют солидный нормативный и институциональный каркас. Однако, как показал проведённый анализ, ключевым вызовом остаётся преодоление разрыва между законодательным закреплением принципа и его последовательной реализацией в правоприменительной практике.

Введение статутного перечня факторов оценки наилучших интересов, учреждение института независимого представителя ребёнка, создание специализированных ювенальных судебных составов, деинституционализация системы альтернативного ухода и усиление межведомственной координации — все эти меры, подкреплённые международным опытом и рекомендациями Комитета ООН, способны существенно повысить уровень правовой защиты детей в Узбекистане. Путь от декларации к реализации требует не только нормотворческих усилий, но и системных инвестиций в институциональный потенциал, подготовку кадров и культуру правоприменения, ориентированную на ребёнка. Направление задано; задача — обеспечить последовательное и целенаправленное движение.

Список литературы:

1. Конвенция ООН о правах ребёнка от 20 ноября 1989 года. Ратифицирована Республикой Узбекистан 9 декабря 1992 года.
2. Комитет ООН по правам ребёнка. Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребёнка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (ст. 3, п. 1). CRC/C/GC/14.
3. Комитет ООН по правам ребёнка. Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Узбекистана (2022). CRC/C/UZB/CO/5.
4. Женевская декларация прав ребёнка (1924). Лига Наций.
5. Декларация прав ребёнка ООН от 20 ноября 1959 года. Резолюция 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи.

6. Гагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года.
7. Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления от 29 мая 1993 года.
8. Конвенция ООН о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года.
9. Африканская хартия прав и благосостояния ребёнка от 11 июля 1990 года. Организация африканского единства.
10. Европейская конвенция об осуществлении прав детей от 25 января 1996 года. Совет Европы, ETS № 160.
11. Руководящие указания ООН по альтернативному уходу за детьми (2009). Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES/64/142.
12. Конституция Республики Узбекистан (в редакции 2023 года, принятой по итогам референдума 30 апреля 2023 года). Статьи 64–66.
13. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30 апреля 1998 года (с изм. и доп.). Статьи 14–16, 68–69, 73–76.
14. Закон Республики Узбекистан «О гарантиях прав ребёнка» от 7 января 2008 года. Статья 6.
15. Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан (2018). Статья 164.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (в редакции 2024 года). Глава 63, статьи 557, 564.
17. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-60 от 28 января 2022 года «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы».
18. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-35 от 18 февраля 2022 года «О мерах по кардинальному совершенствованию системы защиты прав ребёнка».
19. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-6017 от 16 июня 2020 года «Об усилении гарантий прав ребёнка и улучшении деятельности Уполномоченного по правам ребёнка».
20. Children Act 1989 (United Kingdom). Section 1(3) — welfare checklist.
21. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), § 1697a (Германия). Принцип Kindeswohl.
22. Divorce Act (Canada), Bill C-78, as amended 2019. Sections 16(1)–16(3).
23. Гражданский кодекс Республики Корея, ст. 837(5), 912. Реформа 2005 г.
24. Zermatten J. The Best Interests of the Child: Literal Analysis, Function and Implementation // International Journal of Children's Rights. 2010. Vol. 18. P. 483–499.
25. Freeman M. Article 3: The Best Interests of the Child // A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. Leiden: Martinus Nijhoff, 2007.
26. Alston P., Gilmour-Walsh B. The Best Interests of the Child: Towards a Synthesis of Children's Rights and Cultural Values. UNICEF Innocenti Research Centre, 1996.
27. ЮНИСЕФ. Положение детей в мире: статистический отчёт 2023. Нью-Йорк, 2023.
28. Хамдамов Б.И. Проблемы реализации прав ребёнка в Республике Узбекистан: теория и практика // Журнал правовых исследований. 2021. № 3. С. 45–62.